

* * *

Пережить бы критический возраст,
оказаться на том рубеже,
где – больней,
отвратительней подлость,
но обиды терпимей уже.

Где не в спешке,
не вдруг,
не на ощупь,
и не под шепоток со спины
с каждым днем и яснее,
и проще
пониманье добра и вины.

Где по-прежнему нет и в помине
ни удач,
ни в кармане гроша...
Но смиренней, чем прежде,
гордыня,
но просторней, чем прежде,
душа.

* * *

Сенатская.
Манеж.
Фонтанка.
Невский...

Чей звукоряд полней
очертит вечный круг?

Так первый раз в весеннем перелеске
синица воздух пробует на звук.
Так щеки холодит
сырой, туманный вечер.
Так ветры солонны
на стыке островов.
И нет других разлук,
и нет желанней встречи,
и света нет светлей,
и первородней слов.
И нет иных примет,
дарованных от века,
лишь стоит повторить,
припомнить голоса:
«Ночь, улица, фонарь, аптека...»,
«Бессонница. Гомер. Тугие паруса».

* * *

Вдруг ночи сделались тесны,
в мгновенье ока тают.
И мне уже не снятся сны,
в которых я летаю.

А снятся рельсы на снегу
и поезд – вдоль, по краю.
И я бегу за ним, бегу,
и вновь не успеваю.
Как будто продолжение дня,
бессмысленное, злое...

И я подумал: блажь, фигня,
наверно, возрастное.
Пройдет.
Охолони душой,
не ты один – про это.

И к полке книжной подошел,
и с полки снял поэта.
Открыл, уверенной рукой
перевернул страницу
где «Вечный бой»...

И все ж, покой,
хоть изредка, но снится.

Как все

Кто-то рискнул
на крутом вираже –
кровью умылся на встречном ноже.

Следуй по правой, своей полосе.
Делай как все.
Делай как все.

Клинит рули и
бессилен мотор –
что же ты шторму наперекор?
Жмись, как другие бортом к косе.
Делай как все.
Делай как все.

Срезалась связка
и в бездну – со скал.
Горький итог, ты иного искал?
Мог бы как все – по траве, по росе...
Ну почему
ты не хочешь, как все?

И, сквозь хорал
осуждающих труб,
из глубины окровавленных губ –
эта великая наша вина
всех поколений,
во все времена,
движущий миром,
беспомощный вздох:
Делать как все?..
Я хотел,
но не мог.

Облако

Посреди степного зноя,
космы в небе разметав,
это облако шальное
шло за мною по пятам.

Не гремело,
не сверкало,
молчаливее ножа,
настигало,
настигало,
ну а я бежал,
бежал.

Разрывая сухожилия
мчался, ноги кровеня.
А оно легко накрыло,
но не тронуло меня.

Только тень мою качнуло
в оседающей пыли,

замело,
перечеркнуло,
словно вытерло с земли.

* * *

Пора грустить, пора печалиться –
теперь уж в точности проверено –
увы, ничто не возвращается:
ни времена,
ни вдохновение.

А на подмостках рифмы пенятся,
имен без счета напророчено...
Но век серебряный не сменится
ни золотым,
ни позолоченным.

Вышивала мать на пальцах

Вышивала мать на пальцах
колокольчики крестом.
До чего проворно пальцы
колдовали над холстом.

Не дыша и не мигая
на такую красоту,
я смотрел, как голубая
нить бежала по холсту.

Вышивала мать на пальцах
в приснопамятной стране.
Протекли года сквозь пальцы,
словно нитка мулине.

Голубое на зеленом
колокольчиков жнивье
отзвенело
в мире оном,
отцвело давно свое.

Чуть подрагивают пальцы
и стежок уже не спор –
вышивает мать на пальцах
новый простенький узор.

Не дыша и не мигая, –
боже-боже, даждь ей днесь! –
я смотрю, как голубая
нить рисует край небес.

Не прошусь, уйду до срока,
попрошу один билет.
Ветер с северо-востока
под крыло ударит вслед.

И, стремительно заверчен
леденящею струей,
пристегнусь ремнями крепче
между небом и землей.

Проплыву в прощальном крене
перед тем, как взмыть в зенит,
выше всех твоих сомнений,
выше всех своих обид.

Но внезапно, острой болью
разорвав невзгод кольцо,
там, внизу, в квадрате поля
промелькнет твое лицо.

И уже через мгновенье,
высотой по горло сыт,
захочу земных сомнений,
захочу земных обид.